
Трансформация в арабском мире и интересы России

*Аналитический доклад
Международного
Дискуссионного клуба
«Валдай»*

Москва, июнь 2012
valdaiclub.com

eng

рус

Авторы доклада

проф., д.и.н. Виталий Наумкин
к.ю.н. Александр Аксененок
проф., д.и.н. Ирина Звягельская
к.и.н. Василий Кузнецов

*В докладе использованы материалы
выступлений российских
и зарубежных участников
заседания ближневосточной секции
Международного дискуссионного
клуба «Валдай»*

Содержание

3	0. Введение
5	1. Феномен «арабской весны» и ее итоги
10	2. Политический ислам и его перспективы
18	3. Роль внешних сил
24	4. Региональные игроки на фоне «арабской весны»
28	5. Итоги для России, некоторые прогнозы и рекомендации

0. Введение

Революционные перемены в арабском мире – массовые протестные движения, перевороты, гражданские войны – привели к глубокой трансформации арабских обществ, изменили расклад сил в регионе, повысив его место на шкале внеш-

же время очевидно, что процесс болезненных потрясений на Ближнем Востоке далеко не закончен, обновление региона продолжится с вовлечением в эти процессы широкого круга внерегиональных и региональных стран.

Процесс болезненных потрясений на Ближнем Востоке далеко не закончен, обновление региона продолжится с вовлечением в эти процессы широкого круга внерегиональных и региональных стран

неполитических приоритетов региональных и глобальных игроков. Это касается и России, заинтересованной в мирном и процветающем Ближнем Востоке, свободном от войн и внешнего вмешательства, в котором все народы имели бы возможность сами определять свою судьбу. В то

О причинах и особенностях этих событий, получивших название «арабской весны», много сказано и не меньше написано. Были сметены одни, казавшиеся стабильными, ближневосточные режимы и ослабли другие. В наборе причин, вызвавших столь масштабный протест, называют наличие законсервированных авторитарных режимов, отсутствие гражданских свобод (все более очевидное в условиях глобализации для модернизированной части населения), увеличивающийся разрыв в доходах между наиболее обеспеченной властной верхушкой и остальной частью населения, корруп-



цию, ставшую системным фактором, бедность, слабость социальной политики. К этому можно добавить неэффективную экономическую модель, слабое развитие производительных сил при зависимости от нестабильных, но относительно доступных внешних источников накопления. С их помощью поддерживались политика этатизма и малоэффективный госсектор, что сдерживало развитие частного сектора и вело к накоплению негативных последствий, вызванных проводимыми в последние годы экономическими реформами.

Прошло слишком мало времени, чтобы делать крупные обобщения и давать окончательные выводы. Однако вполне возможно попытаться посмотреть на «арабскую весну» под углом зрения региональной и глобальной перспективы, поставив задачу выявить то, что еще не было отмечено, и предложить это видение политикам*.

* Именно это и стремились сделать участники третьего заседания ближневосточной секции Международного дискуссионного клуба «Валдай», собравшиеся в Сочи 16–19 февраля 2012 г. Данный доклад не является изложением дискуссии в Сочи. Но он впитал и учел многие из тезисов, предложенных участниками конференции.

1. Феномен «арабской весны» и ее итоги

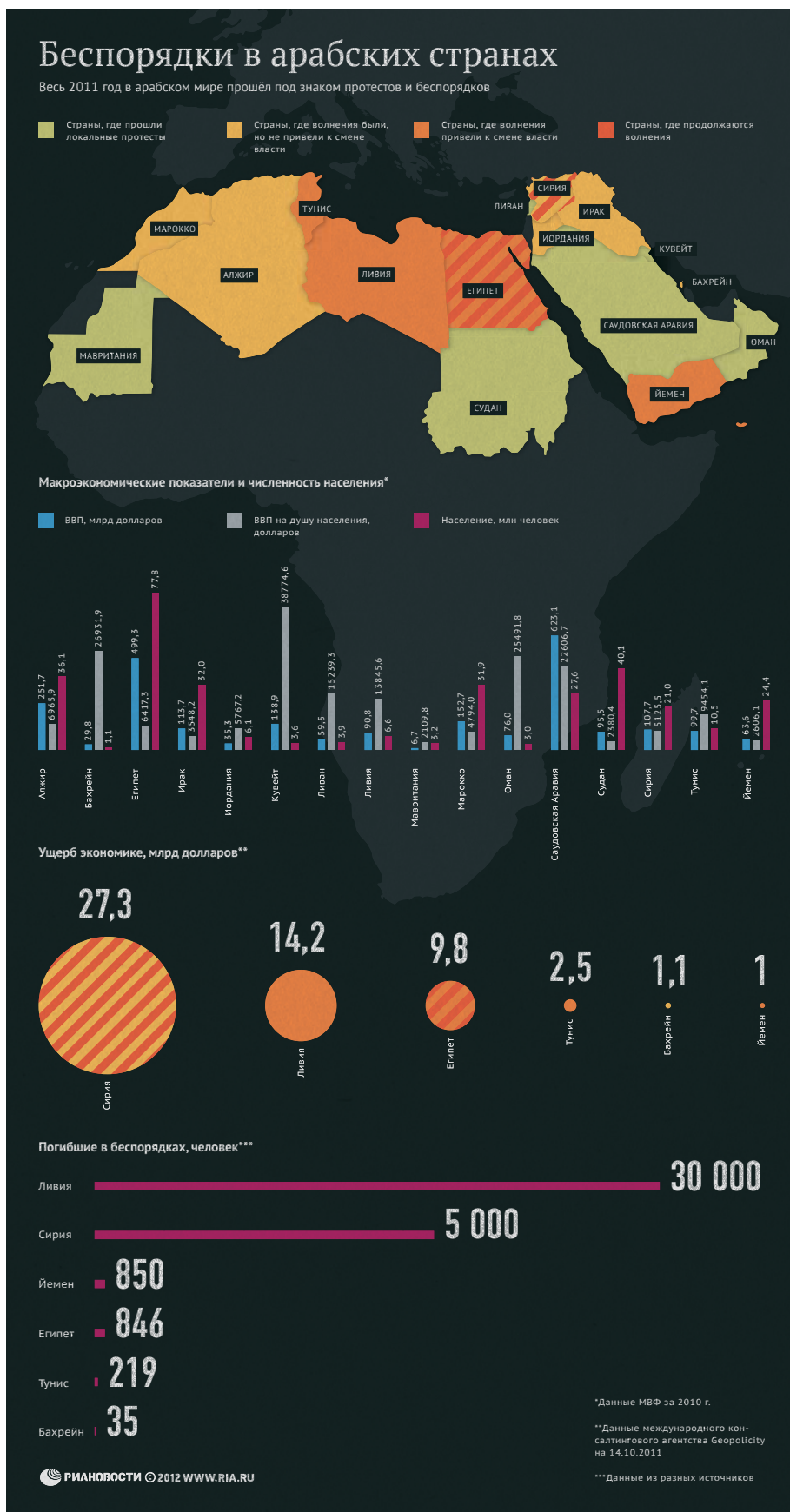
Рассмотрение этого явления в исторической ретроспективе показывает, что его особенность состоит не в некой абсолютной новизне и неожиданности массовых протестных движений на Арабском Востоке.

Все те причины, которые привели к событиям «арабской весны», существовали в регионе и до нее

Арабский регион уже переживал периоды затяжных, столь же турбулентных уличных выступлений и осуществленных или подстегнутых ими глубоких изменений, будь то в рамках борьбы с колониальной зависимостью, прогнившими монархическими и компрадорскими режимами за идеалы арабского национализма или социализма, в ходе внутренних конфликтов или же войн с соседями (ирако-иранская война) и с Израилем. Как известно, в

ряде стран велись массовые вооруженные революции за национальное освобождение (Алжир в 1956–1962 гг., Южный Йемен в 1963–1967 гг.). Волной массовых движений был охвачен регион в 1950–1960-е гг. (тот период иногда даже называют «арабской холодной войной»). Революция 1958 г. в Ираке была для всех не меньшей неожиданностью, чем нынешние перевороты. Одному из авторов этого доклада довелось на излете «шестидневной войны» 1967 г. самому участвовать в мощной ночной демонстрации египетской молодежи фактически на той же площади Ат-Тахрир, потребовавшей от президента Египта Г.А. Насера продолжить руководство страной. В 2000-е гг. появился новый всплеск «уличного» активизма. Это, к примеру, протестные марши племен против правительств Кувейта и Иордании, рабочие забастовки в Тунисе, Алжире и, особенно, в Египте и т.д.





Даже мобилизация участников протестных движений с помощью коммуникационных и информационных технологий не является абсолютно новой. Конечно, в не столь отдаленном прошлом не было ни Интернета, ни телевидения, но всегда были мечети, а роль «Аль-Джазир» американский профессор Марк Линч справедливо уподобил роли египетской радиостанции «Саут аль-Араб» («Голос арабов») эпохи Насера, по призыву которой люди выходили на улицы многих арабских городов.

Нет необходимости говорить, что все те причины, которые привели к событиям «арабской весны», существовали в регионе и до нее. Но правящим в арабских странах режимам в течение десятилетий удавалось гасить волны недовольства, даже тогда, когда оно было связано с важнейшими элементами общеарабской солидарности (например, защита национальных прав палестинцев). В других случаях массовые волнения носили более локальный характер.

Арабский регион уже переживал периоды затяжных, турбулентных уличных выступлений и осуществленных или подстегнутых ими глубоких изменений

Что же изменилось в 2011 году? Решающую роль, на наш взгляд, сыграл своего рода аккумуляционный эффект, усугубленный новым фактором, в первую очередь – генерационным. А о том, что динамичная и активная молодежь до 35 лет сегодня составляет около двух третей населения стран региона, хорошо известно.

В ходе мятежей, восстаний и массовых протестов 2011–2012 гг. резко возросла роль арабской улицы, которая, видимо, и в дальнейшем будет диктовать свою волю новым и «старым» правителям. Можно сказать, что в арабском мире появился «новый панарабизм», который отличается от прежнего своими ценностями, установками и целями, но не означает транснационального консенсуса. Если прежний панара-

бизм основывался на националистических, левых и социалистических воззрениях, то панарабизм, родившийся в ходе «арабской весны», проистекает из традиционалистских идей исламского возрождения, в меньшей степени либеральных и сохраняющих националистическую окраску. Заряд этого панарабизма улицы направлены уже не против колониализма Израиля, а против собственных авторитарных режимов.

Глубокие перемены в арабском мире привели к серьезным изменениям в сложившейся расстановке сил на Ближнем Востоке и во внутривнутриполитическом развитии затронутых «арабской весной» государств. Постепенно пересматриваются прежние политические приоритеты, что ведёт к формированию новых тенденций, в том числе к дальнейшему ослаблению глобальной управляемости международными процессами, к появлению линий напряжения в казавшихся ранее незыблемыми региональных альянсах.

С самого начала «арабская весна» выглядела как демократический вызов несменяемым президентам и премьер-министрам, семьям и кланам, монополизировавшим государственную власть, попыткам организовать ее династическое продолжение, отказавшись на деле даже

от внешних признаков республиканских политических систем – выборности, конкуренции различных политических сил и т.п. В таком контексте могло сложиться впечатление, что это некое универсальное для всех арабских государств явление с доминирующей тенденцией к демократизации. Однако обозначившиеся трудности переходного периода в этих странах, активизация исламистов как наиболее организованной силы и углубляющийся общественный разлом по линии «религиозность-светскость» создают новую ситуацию и вызывают серьезные вопросы. Среди них такие, как: пределы демократизации в арабском мире, перспективы новых партий и организаций, возникших на волне революционных перемен, место и роль армии в меняющихся политических структурах.



Социально-политические причины, вызвавшие взрыв в Тунисе и Египте, налицо и в других странах. Часть правительств уже извлекла уроки из событий и начала проводить реформы, которые призваны погасить недовольство населения, обеспечить стабильность. В Сирии, где политические

в других государствах — протест населения одного из регионов страны против сосредоточения властных и экономических ресурсов в руках населения другого, окрашенный или не окрашенный межконфессиональными противоречиями.

Арабские события остаются абсолютно разнородными и по составу действующих сил, и по провозглашенным ими целям, и по результатам революционных выступлений

реформы своевременно проведены не были, произошел раскол общества на сторонников режима и его противников, вылившийся в вооруженное противостояние. Триада баасистской идеологии — единство, свобода и социализм — потеряла свою привлекательность для значительной части населения, а монополия партии «Баас» на власть и ее методы управления страной стали неприемлемым анахронизмом. К этому надо добавить непропорциональное применение насилия со стороны властных структур государства.

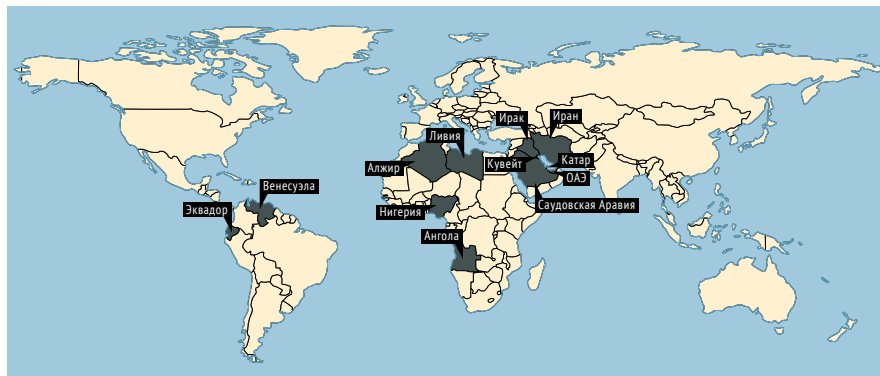
Вместе с тем, арабские события остаются абсолютно разнородными и по составу действующих сил, и по провозглашенным ими целям, и по результатам революционных выступлений. Неправоммерно ставить знак равенства между тем, что произошло в Египте, Ливии, Сирии, Йемене, на Бахрейне. В Ливии имело место повстанческое движение племен, на Бахрейне — восстание притесняемой конфессиональной группы,

Учитывая разнообразие арабских стран и режимов, подходить к ним со сходными экономическими и социальными мерками также неверно. Арабский мир представлен нефтеэкспортирующими и капиталозыбыточными экономиками и нефтеимпортирующими и капиталодефицитными, что, в

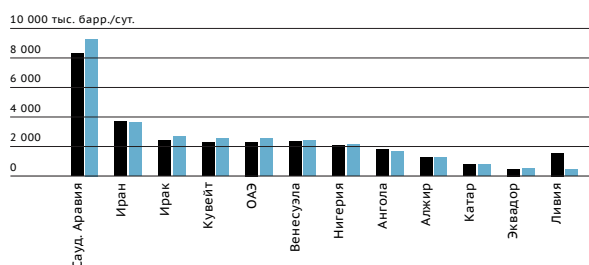
частности, обуславливает разницу в душевых ВВП и доходах. В Катаре, например, средний душевой ВВП по паритетной покупательной способности (самый высокий в мире) составил в 2010 году, по оценке МВФ, 88 222 долл. США или, по оценке ЦРУ, 179 тыс. долл. США, а в Судане — 2 200 долл. США. Нефтедобывающим государствам удалось сдержать рост возможного недовольства архаичными политическими режимами, «залить» его потоком долларов в не снисшихся бедным государствам объемах. Но финансовый «пряник» не везде может быть применен и не везде работает. Режим Каддафи, располагая большими нефтегазовыми ресурсами, теоретически так же мог бы выделить долю доходов тем, кто выступил против него, но в данном случае организованная оппозиция сражалась уже не за часть поступающих доходов, а за власть, которая обеспечит ее лидерам доступ ко всем ресурсам, как экономическим, так и политическим.

Добыча сырой нефти в странах ОПЕК в 2010 и 2011 гг.

Как изменилась за год среднесуточная добыча нефти в странах картеля

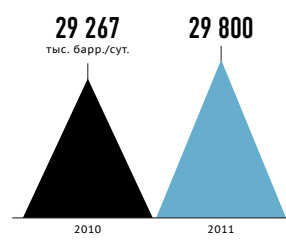


Среднесуточная добыча сырой нефти в странах ОПЕК



РИА НОВОСТИ © 2012 WWW.RIA.RU

Среднесуточная добыча сырой нефти (все страны ОПЕК)



ежемесячный доклад ОПЕК, февраль 2012 г.

К этому можно добавить, что социальные движения в арабском мире развивались на волне мирового экономического кризиса,

Социальные движения в арабском мире развивались на волне мирового экономического кризиса, который тяжело отразился на материальном положении большинства населения

который, несмотря на попытки властных структур обеспечить дотации для наиболее обделенных слоев, тяжело отразился на материальном положении большинства населения. В самое сложное положение попала образованная молодежь, лишённая возможности найти себе применение. Именно эта наиболее динамичная и современная часть общества стала главной движущей силой и идеологом народных высту-

плений в Тунисе и Египте. Не беднейшие традиционные слои, привыкшие к своей бедности и не способные сформулировать цели и задачи революции, а образованный класс вышел на авансцену наиболее развитых арабских государств, потянув за собой совершенно иные по социальным и культурным характеристикам группы и движения как у себя на родине, так и в соседних государствах.

Практически все охваченные потрясениями страны этого региона находятся на этапе болезненного перехода от традиционно авторитарных политических систем к новым, пока ещё не сформировавшимся способам правления, идёт переосмысление прежних светских и религиозных ценностей, сопряжённое с поисками национальной идентичности в меняющемся мире.

2. Политический ислам и его перспективы

В результате «арабской весны» в целом ряде арабских стран пришли к власти исламистские партии, которые вышли из подполья, где они находились при правлении свергнутых диктаторов. Политический ислам превратился в одну из самых

«великим исламистским переворотом», а то и «великой исламистской революцией». Ведь подобных масштабных побед политический ислам в арабском мире никогда не одерживал (правда, на Ближнем Востоке можно вспомнить иранскую революцию

1979 г. – шиитский вариант, а также приход в Кабул моджахедов – вариант суннитский). И что еще более значимо – исламистские партии в таких государствах, как Египет и Тунис, победили в результате свободных и справедливых выборов, подготовленных массовым протестным движением, в котором эти партии не были ни организаторами, ни даже основными участниками. Получив большинство в органах законодательной власти, исламисты приходят и в исполнительную власть. Причем степень легитимности их правления на сегодняшний день оказывается гораздо более

Получив большинство в органах законодательной власти, исламисты приходят и в исполнительную власть. Степень легитимности их правления на сегодняшний день оказывается гораздо более высокой, чем та, которой обладали предыдущие режимы, пришедшие к власти в результате военных переворотов

влиятельных сил на региональной арене. С учетом результатов «арабской весны» это явление можно назвать и иначе:

и в исполнительную власть. Причем степень легитимности их правления на сегодняшний день оказывается гораздо более



высокой, чем та, которой обладали предыдущие режимы, пришедшие к власти в результате военных переворотов.

Ореол преследуемых со стороны ставших ненавистными для подавляющего большинства режимов явно помог победе исламистов. Если не так давно среди исламистов еще велись дебаты о том, стоит ли им принимать правила, по сути установленные западными демократиями, то теперь по этим правилам стали играть даже салафиты, партия которых в Египте – «Ан-Нур» – получила почти четверть голосов изби-

такой умеренной и просвещенной партии как «Ан-Нахда» уже все чаще слышатся халифатистские мотивы.

Очевидно, что вопрос о том, в какой мере победители готовы внедрять в жизнь идеалы демократии, пока остается открытым. Можно ли примирить демократические ценности и нормы с традиционной консервативной, а в некоторых случаях и стоящей на грани экстремизма идеологией исламских движений? Показательны слова верховного наставника египетских «Братьев-мусульман» Мухаммада Бади, что, если его

движение выступает за свободу и демократию, то оно делает это в исламском ключе, и что «демократия не может разрешить то, что запрещено, и запретить то, что разрешено». Неслучайно многие эксперты полагают, что пробным камнем приверженности исламских движений демократическим

Сложной проблемой остается отношение исламистских сил к секуляризму, который традиционно рассматривался ими как «идеологический противник»

рателей на выборах в парламент. Само формирование традиционными исламскими движениями в Египте современных политических партий в соответствии с принятыми почти во всем мире стандартами («Братьями-мусульманами» – Партии свободы и справедливости, салафитами – Партии «Ан-Нур», что переводится как «Свет») было признаком их стремления принять нормы современной политической жизни. В Тунисе (партия «Ан-Нахда», или «Возрождение»), Марокко, Алжире, Иордании и других арабских странах исламистские партии давно и безуспешно используют парламентские методы политической борьбы. Но в высказываниях лидеров даже

ценностям станет их отношение к женщине и к религиозным/национальным меньшинствам. Некоторые представители женских организаций в странах, по которым прокатилась «весенняя волна», уже говорят о случаях дискриминации женщин, часть из которых чувствует себя жертвами произошедших изменений. Испытывают опасения за свое будущее и христиане. Тревожат попытки «захвата» салафитскими группами контроля над университетами и даже случаи избиения ими некоторых слишком свободомыслящих профессоров и студентов, в частности, в Тунисе. Значительная часть модернизированного городского населения опасается, что моделью для немногочислен-



ных пока, но активных салафитов является не просвещенная Партия справедливости и развития Турции, а саудовско-ваххабитская модель государства или даже движение «Талибан» с его средневековой косностью.

Наконец, самой сложной проблемой остается отношение исламистских сил к секуляризму, который традиционно рассматривался ими как «идеологический противник». Для Египта сохранился актуальным вопрос об отношениях доминирующих в законодательной власти исламистов и армии, которая в этой стране играла основную роль с 1952 г. Кроме того, исламистским силам Египта, согласившимся признать мирный договор с Израилем как реальность, будет непросто выстраивать политику в отношении этой страны.

Исламские политические организации Ближнего Востока чрезвычайно сильно отличаются друг от друга. Характер каждой из них во многом определяется тем местом, которое занимает ислам в конкретном обществе

Весьма серьезный вызов для «исламистского фронта» — противоречия между «Братьями-мусульманами» и салафитами, которые носят исторический характер и подогреваются внешними игроками (в частности, Саудовская Аравия не скрывает своих симпатий к салафитам и может вполне рассматриваться как их опора, а Катар ориентируется на «Братьев-мусульман»).

Здесь имеют значение принципиальные различия между электоральными социальными базами двух исламистских политических кластеров в Египте. Если салафитов на выборах поддержали беднейшие слои населения и их программа близка к программам левых партий, то опорой «Братьев-мусульман» оказалась городская буржуазия, а экономическая часть их программы носит скорее либеральный характер. Соответственно, естественным союзником умеренных исламистов в этом контексте должны стать либеральные силы, что, в свою очередь, должно привести к утрате ими имиджа исключительно религиозной партии. Однако сценарий блокирования двух исламистских политических кластеров все же нельзя считать абсолютно исключенным. У неко-

торых наблюдателей даже складывается впечатление, что «Братья-мусульмане» (или родственные им структуры) используют салафитов для апробирования некоторых идей, выясняя уровень их поддержки населением.

Со своей стороны, третий исламистский кластер, или несистемный игрок, набравший силу в Северной Африке, — джихадистский ислам, включая «Аль-Каиду исламского Магриба», — рассчитывает воспользоваться плодами победы умеренных исламских движений в своих интересах. Не исключено, что представители этих сил попытаются пробраться в формирующийся в Алжире исламистский политический блок, который в ближайшем



будущем, видимо, попытается бросить вызов правящему режиму.

Еще более трудные задачи, чем перед Тунисом и Египтом, стоят перед Ливией, в которой в ходе гражданской войны противоречия между различными регионами и племенами переросли во враждебные отношения, и где необходимо создавать органы управления государством практически с нуля. Сильные позиции имеет политический ислам в Йемене, где партия «Ислах» рассчитывает прийти к власти, но перед любой властью здесь будет стоять задача противодействия джихадистским группировкам, включая «Аль-Каиду Аравийского полуострова», окопавшуюся в ряде провинций страны.

Джихадистский ислам, включая «Аль-Каиду исламского Магриба», рассчитывает воспользоваться плодами победы умеренных исламских движений в своих интересах

Исламистские организации в течение истекших месяцев 2011–2012 гг. продолжали активно действовать в борьбе против правящего режима в Сирии, в том числе вооруженными методами. И «Братья-мусульмане», и салафиты стремятся стать ведущими силами среди разрозненных отрядов сирийской оппозиции, в том числе «Свободной сирийской армии», которая не имеет единой командной структуры, а

объединяет под своим зонтиком самостоятельно действующие отряды.

В существующих сегодня оценках исламских политических организаций региона международными экспертами наблюдаются две полярные точки зрения. По одной из них, умеренные исламисты Египта и Туниса представляют собой некий местный аналог христианско-демократических партий Европы. Соответственно, со временем эти партии будут демонстрировать все больший прагматизм, а религиозная составляющая постепенно будет вытесняться из их риторики. Согласно противоположной точке зрения, эти партии склонны к догматизму и гегемонии, а единственно возможным

для них путь трансформации — максимальная радикализация и отказ от западной политической модели и ценностей. При том, что обе точки зрения кажутся крайними, они демонстрируют довольно широкую амплитуду существующих подходов.

В реальности исламские политические организации Ближнего Востока чрезвычайно сильно отличаются друг от друга. Характер каждой из них во многом определяется тем местом, которое занимает ислам в конкретном обществе, а оно, в свою очередь, определяется следующими факторами:

- уровнем религиозности общества;
- формами принятых религиозных практик, зачастую впитавших в себя местные доисламские традиции;



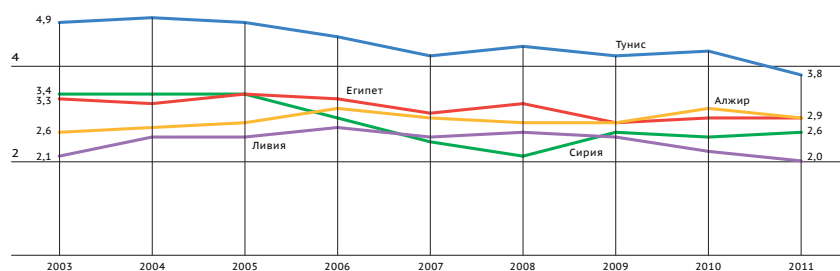
Индекс восприятия коррупции по некоторым арабским странам

Как менялся индекс и место в рейтинге у стран «арабской весны»

Динамика изменения индекса страны

Индекс отражает уровень восприятия коррупции в государственном секторе страны по десятибалльной шкале, где 0 баллов означает максимальный уровень коррупции, а 10 баллов – отсутствие коррупции

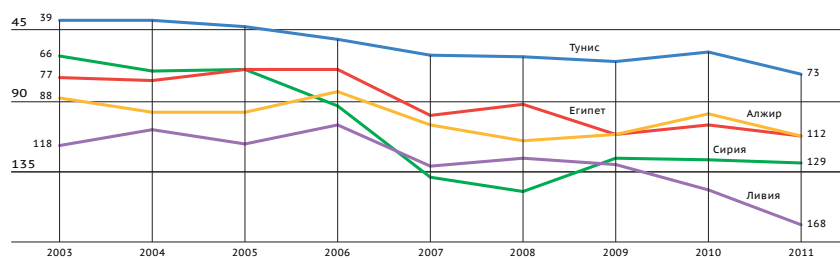
● Алжир ● Египет ● Ливия ● Сирия ● Тунис
Источник: Transparency International



Динамика изменения места страны в рейтинге

Чем ниже место в рейтинге, тем выше уровень коррупции в стране

● Алжир ● Египет ● Ливия ● Сирия ● Тунис
Источник: Transparency International



РИА НОВОСТИ © 2012 WWW.RIA.RU

- характером социального, культурного и политического развития общества (в частности, осуществлялся ли в нем секулярный проект);
- долей немусульманского населения и др.

Едва ли не самым серьезным вызовом для победителей в Египте и Тунисе является ущерб, нанесенный в ходе «арабской весны» экономике

Кроме того, можно говорить и о соединении религиозного и этнонационального факторов в эволюции различных обществ, при-

чем не только в исламском мире. Некоторые аналитики даже прогнозируют нарастание глобального конфликта между «миром веры» и «миром секуляризма». Естественно, что эти процессы затрагивают и Россию как поликонфессиональное и многонациональное государство. Религия так или иначе вмешивается в политику и используется как средство мобилизации и идентификации.

Едва ли не самым серьезным вызовом для победителей в Египте и Тунисе является ущерб, нанесенный в ходе «арабской весны» экономике. Задачу восстановления и развития экономики осложняют завышен-

ные ожидания населения, рассчитывающего на быстрое повышение жизненного уровня после изгнания коррумпированных диктаторов. Одной помощи аравийских государств будет явно недостаточно. Видимо, придется обращаться к Западу, который будет оговаривать ее предоставление определенными условиями. Именно успешность решения социально-экономических проблем станет мерилем эффективности новых властей.

Таким образом, сам приход к власти еще не является свидетельством окончательной победы исламистов или успешного завершения революций. Им может стать только принципиально новый проект политического и социально-экономического развития стран, и именно выработка такого проекта на сегодняшний день является ключевой проблемой.

Один из уроков «арабской весны» состоит в дискредитации методов насилия, которые были привычным средством решения политических задач в большинстве стран

Эта проблема должна будет решаться в процессе грядущей трансформации не только политических систем, но и, возможно, самих исламистских партий. Фактически, сегодня исламистам приходится искать точку равновесия между двумя крайностями спектра идейно-политических установок: буквальным

следованием священному тексту без учета социально-политической реальности и полным отказом от этого текста в пользу реальности (позиция светских демократов, возможных союзников умеренных исламистов).

Один из уроков «арабской весны», как считает немало политиков, состоит в дискредитации методов насилия, которые были привычным средством решения политических задач в большинстве стран. По мнению известного палестинского деятеля Ахмеда Курей, в результате «арабской весны» на Ближнем Востоке изживают себя террористические методы борьбы за политические цели. Конечно, на фоне пролитой крови это мнение выглядит более чем спорным, но показательно, что Курей говорит о новой «исламской молодежной альтернативе»

палестинского освободительного движения, «характерными чертами которой являются умеренность и прагматизм».

Восприняв опыт ХАМАС, обретенный движением в 2000-е гг., умеренные исламисты Египта и Туниса, вероятно, осознают, что радикализм ведет к разрыву отношений с

Западом и к нехватке финансирования, и потому заявляют о своей готовности играть по демократическим правилам. Вместе с тем, опираясь на легитимность, они в гораздо большей мере, чем предыдущие режимы, вынуждены прислушиваться к мнению избирателя, что обуславливает неустойчивость их положения и



Уровень свободы и демократии в странах Ближнего Востока и Северной Африки

Статус*

2011

несвободные страны

частично свободные

свободные

2010

несвободные страны

частично свободные

свободные

2009

несвободные страны

частично свободные

свободные

*Статус - общая оценка ситуации в стране в качественном и количественном выражении

РИА НОВОСТИ © 2012 WWW.RIA.RU

Тенденции к улучшению/ухудшению ситуации

2009 г. 2010 г. 2011 г.

Иран Бахрейн Ирак Иран Бахрейн Египет Иран

6 ↓ 5 ↓ 6 ↑ 6 ↓ 5.5 ↓ 5.5 ↓ 6 ↓

Источник: Freedom House, Freedom in the World Reports 2009-2011.

Хотя между исламистами и светскими силами сохраняются принципиальные расхождения, они на данном этапе готовы договариваться друг с другом

служит предпосылкой для развития конфликта внутри организаций. В то время как их руководство оказывается готовым к диалогу с Западом, низовые структуры

требуют выстраивания аутентичных политических режимов.

Первые шаги новых властей Туниса и Египта демонстрируют их готовность к компромиссам, служащим усилению их политических позиций, и нежелание нести в одиночку всю меру ответственности за решение социально-экономических проблем. Это обстоятельство в совокупности с отсутствием опы-

та государственного управления создает предпосылки для формирования коалиций.

Показательно, что в арабском мире уже заговорили о «египетской модели», для которой характерно соединение исламских ценностей в понимании их носителей с демократическими установками. В Египте, как и в Тунисе, многое будет зависеть от характера новой конституции, а также от того, превратится ли эта страна фактически в парламентскую республику или в ней по-прежнему главную роль будет

играть исполнительная власть в лице президента.

Хотя между исламистами и светскими силами сохраняются принципиальные расхождения по вопросам о таких ценностях, как толерантность, универсальность науки и знания, свобода личности, права человека, они на данном этапе, кажется, готовы договариваться друг с другом по широкому кругу проблем, касающихся политической архитектуры и сценариев демократического развития. Если это может стать основой взаимодействия двух лагерей в Тунисе

и Египте, то в Ливии пока о такой возможности говорить рано. Что касается Сирии, то весьма реально предположение, что если оппозиции при зарубежной поддержке удастся свалить режим, и к власти придут исламисты (в том числе салафитские группировки), то они могут устроить здесь массовую резню своих противников, руководствуясь острым желанием отомстить.

Сегодня исламистам приходится искать точку равновесия между двумя крайностями спектра идейно-политических установок: буквальным следованием священному тексту без учета социально-политической реальности и полным отказом от этого текста в пользу реальности

3. Роль внешних сил

В контексте потрясших арабские страны быстрое перемен правомерно возникает целый ряд вопросов. Во-первых, каково соотношение внешних и внутренних факторов в организации и поддержании протестных движений и, во-вторых, уже в более широком плане, в каком направлении

нехарактерная для считавшихся традиционными обществ, заставила ряд наблюдателей сделать основной акцент на роли внешних сил, которые могли быть заинтересованы в столь широкоформатных системных переменах в регионе. «Арабская весна» была поставлена чуть ли не в

Неожиданная демократическая направленность массовых движений, в принципе нехарактерная для считавшихся традиционными обществ, заставила ряд наблюдателей сделать основной акцент на роли внешних сил

один ряд с «цветными революциями». Последовавшие за подобными допущениями выводы касались усиления односторонних действий временных коалиций или отдельных держав, которые узурпируют право на определение легитимности или нелегитимности отдельных режимов и которые действуют с помощью технологий управления

протестными движениями и протестным потенциалом.

будет дальше проходить переформатирование всего региона Арабского Востока. Тенденции этого, бесспорно, уже наметились.

Неожиданная демократическая направленность массовых движений, в принципе

Очевидно, что в Тунисе и в Египте не отработывались сценарии «цветных революций», а мощный размах народных выступлений





был обусловлен целым комплексом внутренних факторов, аккумуляция которых объективно предопределила потребность в реальной трансформации казавшихся неподвижными и застывшими консервативных обществ и систем. Однако по мере развития событий в других арабских странах внешнее вмешательство стало играть все возрастающую и отнюдь не стабилизирующую роль.

Масштабное военное противостояние, ставшее результатом борьбы оппозиции с режимами в Ливии и Сирии, заострило вопрос о

Уроки Ливии были восприняты в России как свидетельство вновь возросшего влияния военной силы и сохранившейся тенденции к интервенционизму со стороны Запада

возможностях, пределах и легитимности вмешательства внешних сил, в том числе с декларированной гуманитарной целью защитить гражданское население. По большому счету, а с российской стороны вопрос ставился именно таким образом, речь идет о том, будут ли после Косово, Ирака и Ливии и дальше действовать такие фундаментальные нормы международного права, как государственный суверенитет и невмешательство во внутренние дела или правила поведения государств меняются де-факто.

Уроки Ливии были восприняты в России как свидетельство вновь возросшего влияния военной силы и сохранившейся тенденции к интервенционизму со стороны Запада. Объективный анализ происшедшего, особенно с учетом последующего развития событий в Сирии, над которой нависает угроза повторения ливийского сценария, показывает, что действия по установлению «бесполетной зоны» в результате преднамеренно расширительной трактовки резолюции Совета Безопасности ООН 1973 трансформировались здесь по сути дела в военную операцию НАТО по свержению

режима в государстве, являющемся членом международного сообщества. То есть имело место открытое вмешательство во внутренний конфликт на стороне одной из сторон. Это и обеспечило победу оппозиционных сил, которая, как показало дальнейшее развитие событий уже после свержения Каддафи, не стабилизировала внутреннюю обстановку, не

говоря уже о реализации выдвигавшихся демократических лозунгов. Напротив, приход к власти новых сил привел к широким репрессиям, обострению межплеменных отношений и росту сепаратизма. Под вопрос поставлено сохранение Ливии как целостного государства. И, наконец, зверская внесудебная расправа одной из групп повстанцев над Каддафи при прямом попустительстве, а то и соучастии европейских военных никак не соответствовала декларированным идеалам демократии, свободы и справедливости. Прямым следствием



смены режима силовым путем при внешнем вмешательстве стал такой оборот событий, как расползание оружия по соседним странам, активизация деятельности террористов в странах Сахеля, мятеж исламистов и племён туарегов в Мали.

признание оппозиции законной властью, получение санкции ООН на вмешательство под предлогом прекращения актов насилия со стороны властей и создание далее военных плацдармов в виде «буферных зон» или «гуманитарных коридоров».

Ливийский кризис в значительной степени предопределил жесткую позицию России при обсуждении и голосовании по резолюции о положении в Сирии

Само по себе решение о бесполетной зоне было формально легитимным актом, принятым в соответствии с процедурой в рамках СБ ООН и имевшим место прецедентом, в частности, в Ираке. Однако резолюция 1973 содержала размытые формулировки, допускающие двойственные толкования. Таким образом, был создан правовой казус силовой смены режима путем привлечения ООН, имеющей немалый опыт миротворчества, к легитимации операций совсем иного рода – «по принуждению к демократии».

Ливийский кризис в значительной степени предопределил жесткую позицию России при обсуждении и голосовании по резолюции о положении в Сирии. Аналогии с ливийским сценарием прослеживались в полной мере: объявление нелегитимным правящего «диктаторского» режима,

Таким образом, вопрос о правовых основаниях лишения режимов неудобных той или иной группе государств статуса международной законности был поставлен в плоскость реальной политики. Являются ли такими основаниями подавление гражданских свобод, непропорциональное применение силы против попыток

вооруженного свержения режимов, признанных международным сообществом, нарушение прав человека или норм гуманитарного права? Все эти принципиально важные и далеко не чисто правовые вопросы вновь актуализировались под воздействием ливийского и сирийского кризисов.

Другой итог «арабской весны» состоит в том, что сами государства этого региона стали играть все более активную роль. В новых условиях, с ослаблением управляемости глобальными процессами отдельные страны Ближнего Востока и региональные организации (ЛАГ и ССАГПЗ) повели себя более независимо с учетом собственных особых интересов, не всегда совпадающих с интересами внерегиональных игроков.



Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива оформился по сути дела в военно-политический блок, нацеленный во внешнем плане против Ирана, во внутреннем — на защиту монархических режимов Аравии от внутренних угроз,

Существенное влияние на принятие решений о вмешательстве оказывают СМИ, манипулирующие информацией и даже искажающие ее в интересах отдельных групп государств

реальных и потенциальных. Именно ключевые страны этого блока, Саудовская Аравия и ОАЭ, оправившись от шока «арабской весны», приняли участие в подавлении шиитского восстания на Бахрейне и выступили наиболее рьяно в поддержку суннитской оппозиции режиму Б. Асада в Сирии. Влияние государств Персидского залива было определяющим так же в том, что ЛАГ впервые в её истории заняла позицию в пользу смены режима в арабской стране, являющейся членом этой организации.

Существенное влияние на принятие решений о вмешательстве оказывают СМИ, манипулирующие информацией и даже искажающие ее в интересах отдельных групп государств. «Картинка» событий, как правило, односторонне сопряженная с оценками оппозиции, формируется почти исключительно запад-

ными электронными и печатными СМИ, включая Интернет и социальные сети. В отличие от прошлых лет любые события в регионе мгновенно приобретают широкую известность. Все это уже на нынешнем начальном этапе бурных перемен говорит о том, что происходящее отражает не только свободный выбор арабов в пользу демократии, но и подходы западных партнеров России к переустройству всего арабского региона.

Ситуация в Сирии заставляет учитывать все вышеперечисленные факторы в этом сложном политическом раскладе, в том числе суннитско-шиитский компонент. Объективная позиция России и Китая, поставивших во главу угла идею посредничества и побуждения сторон к национальному диалогу, дала режиму шанс на проведение реформ, остудив пыл тех, кто требовал немедленной смены режима под угрозой вооруженного вмешательства. Поддержка Москвой плана урегулирования, предложенного посланником ООН Кофи Аннаном, свидетельствовала о том, что Россия подходит к проблеме без предубеждения, исходя из принципа уважения суверенитета и стремясь не допустить перерастания начавшегося внутреннего вооруженного конфликта в масштабную региональную войну с внутриконфессиональным компонентом. Россия фактически добилась того, что новая резолюция Совета Безопасности ООН по плану Аннана носила уже сбалансированный характер и не содержала требования об отставке Асада.

К сожалению, уже на тот период внешнее вмешательство во внутрисирийский конфликт фактически имело место. Оно выражалось в переброске боевиков в страну из-за рубежа, содействии в боевой подготовке отрядов оппозиции, в первую очередь, так называемой Свободной сирийской армии, поставкам им вооружений. Боевые действия в такой ситуации достигают широких масштабов, сопровождаются многочисленными жертвами с обеих сторон и внушительными разрушениями. Динамика развития событий крайне негативна. Партия «Баас», монопольно правящая в стране, где 40% населения принад-

что представители оппозиции дистанцируются от радикалов и террористов, не нашла поддержки у некоторых арабских экспертов. Некоторые из них вообще считают, что шансы на мирное урегулирование уже упущены. Однако, такой негативизм со стороны арабских политологов в сочетании с требованием ухода Асада в качестве предварительного условия выхода из кризиса в свою очередь вызывает критику многих российских и зарубежных экспертов. При этом отмечается значение таких обстоятельств, как многочисленные акты вооруженного насилия отрядов оппозиции, ее разрозненность, продолжающуюся поддержку Асада значительной частью населения, в том числе меньшинствами, отсутствием реальной программы действий у оппозиционеров.

Вопрос о том, что будет делать сирийская оппозиция, если придет к власти, остается открытым

лежит к меньшинствам, стала терять свои позиции. Армия и силы безопасности, измотанные многомесячными действиями в городах и накаленной обстановкой, не смогли обеспечить быстрое наведение порядка. Сложилась тупиковая ситуация, когда у режима не хватает сил для подавления оппозиции, получающей помощь и политическую поддержку извне, а оппозиция не в состоянии захватить власть силой без прямого вмешательства.

Предложенная Россией концепция запуска диалога между сирийскими властями и оппозицией, возможная при условии,

Вопрос о том, что будет делать сирийская оппозиция, если придет к власти, остается открытым. Ни одна из оппозиционных групп до сих пор не смогла объяснить, как она собирается поступать со всеми теми, кто служил режиму, с меньшинствами и с огромным числом государственных служащих, основная часть которых принадлежит к правящей партии. К тому же, оппозиция не является единой (даже территориально) и включает в себя не только светские умеренные силы, но и радикалов из числа «Братьев-мусульман» и салафитов, и даже, как полагают некоторые наблюдатели, элементы «Аль-Каиды». Одна из важнейших проблем состоит в том, что у сирийской оппозиции до сих





пор не было стратегии национального примирения и возрождения разрушенной и ослабленной страны. Необходимы большие средства, чтобы выплатить зарплаты и поддержать инфраструктуру. Переходное правительство, с точки зрения представителей ее светской части, должно будет попытаться избавиться от состояния войны с Израилем, чтобы заниматься внутренними делами, и даже будет готово вести переговоры по Голанам. Но неизвестно, как поступят религиозные элементы, которые

рассчитывают прийти к власти, если им удастся победить режим Асада.

Однако очевидно, что пока режим имеет значительный запас прочности и способен противостоять давлению. Насильственная же смена власти чревата новым, более масштабным кровопролитием и гражданской войной, которая выплеснется за пределы страны и может принять крайне опасный характер затяжного суннитско-шиитского конфликта.

4. Региональные игроки на фоне «арабской весны»

Вопрос о том, какие региональные силы выиграли, а какие проиграли в результате «арабской весны», касается, прежде всего, трех самых влиятельных игроков – Турции, Израиля и Ирана.

В перспективе мир может столкнуться как с более демократическим и современным, так и гораздо более консервативным арабским миром

С точки зрения израильских аналитиков, вначале могло показаться, что противостояние повторяет привычный для Ближнего Востока конфликт между умеренными прозападными силами и радикалами, несмотря на то, что и в Египте, и в Тунисе выступавшие требовали политических перемен и демократизации. Падение режима Мубарака виделось как усиление лаге-

ря исламистов, в том числе радикальных, что таило угрозу стабильности для других режимов (например, иорданского), входивших в круг влияния США и поддерживавших стабильный мир с Израилем. Рост

силы улицы, которая легко настраивается против Израиля и США, мог затруднить отношения Израиля и с Египтом, и с Иорданией. Опасения Израиля порождало то, что пережившие революционную волну арабские государства могут в конечном итоге повторить иранскую модель. Реальность

оказалась более сложной и неоднозначной. Вызванный нестабильностью вакуум, неспособность правительств контролировать обстановку – на Синае или в отдельных городах Сирии – не сулили для Израиля ничего хорошего.

Незавершенность процессов трансформации означала, что, к примеру, Тунис могут





вырвать из привычного западного окружения и навязать ценности, которые не разделяет значительная часть населения. В Египте, по мнению израильских экспертов, оказался во многом отброшенным назад процесс модернизации. В перспективе мир может столкнуться как с более демократическим и современным, так и гораздо более консервативным арабским миром. Господствующий в большинстве обществ региона патернализм требует, как думают некоторые израильские аналитики, такого управления, которое не может дать демократии. Если даже революции и успешны, они еще не привели к смене традиционных здесь общественных отношений.

Одним из важных результатов «арабской весны» стало дальнейшее усиление двух неарабских ближневосточных держав – Турции и Ирана

Ослабление сирийского режима, а в дальнейшем его возможный уход может оказаться менее болезненным для Израиля, чем это ему представлялось вначале. Действительно, ситуация на Голанских высотах все эти годы оставалась спокойной. Однако сирийский режим, зависящий от Ирана, стал связующим звеном между Тегераном и Хизбаллой, а также движением ХАМАС. Сейчас ХАМАС, осознав, что оказался в связке с «проблемными режимами», вынужден искать новых покрови-

телей, возможно, более прагматичных и умеренных, чем прежние. Кроме того, светские элементы в сирийской оппозиции уже сейчас заявляют о стремлении получить поддержку Израиля, а после прихода к власти урегулировать конфликт с тем, чтобы спокойно заниматься строительством новой государственности. Показательно, что в феврале 2012 г. Израиль впервые в истории проголосовал на Генеральной Ассамблее ООН вместе с ЛАГ по ситуации в Сирии.

Одним из важных результатов «арабской весны» стало дальнейшее усиление двух неарабских ближневосточных держав – Турции и Ирана, интересы которых вступают в столкновение между собой в Ираке, Сирии, Ливане и в других точках региональной напряженности. Речь идет о долгосрочной тенденции, обусловленной не только политическим и экономическим ослаблением арабских государств, но с уже состоявшимся уходом американских войск из Ирака, а в дальнейшем и из Афганистана, что открывает для этих двух государств дополнительные возможности.

Внешнеполитические амбиции Ирана и Турции продиктованы также такими объективными факторами, как рост их экономического потенциала и политическая стабилизация. Среднегодовые темпы прироста ВВП составляют в Иране около 5%. В правящей верхушке приглушены разногла-



сия, а конституционное перераспределение власти укрепляет режим. Возможность внутривластной дестабилизации по типу «арабской весны» представляется на настоящем этапе маловероятной. Это связано с тем, что, в отличие от арабских государств, власть в Иране контролируется не отдельными кланами и семьями, а религиозной корпорацией, которая использует плюралистические, демократические по характеру институты. Имеющиеся трения не выходят за рамки противоречий между отдельными членами корпорации и поэтому протестные движения не направлены на создание светского режима.

Важным выводом является то, что на нынешнем этапе проиграла «Аль-Каида», идеология которой не прижилась

Для внутреннего развития Турции характерны в целом позитивные тенденции. Партии справедливости и развития (ПСР) удалось легко преодолеть экономический кризис путем проведения успешных реформ. Хотя экономическая политика не утратила популистского характера, но ПСР удалось повысить адресность популизма, а также сделать Турцию гораздо более привлекательной для западных инвесторов.

Сейчас турецкая модель выглядит для арабского мира более приемлемой, чем иранская, но это не означает, что араб-

ские страны пойдут по турецкому пути. Турция вызвала завышенные ожидания во всем регионе, и в результате событий они даже выросли, но турецкая модель очень по-разному интерпретируется. С одной стороны, дело в историческом опыте, который отсутствует у арабов. В стране уже давно существует многопартийная политическая система. Кроме того, Турция, являющаяся южным флангом НАТО, развивающая отношения с ЕС, США и Израилем, все же значительно больше интегрирована в глобальный мир, чем арабские государства, где в результате выборов в парламенты пришли исламисты. С другой стороны, претензии Турции на особую роль в регионе, появление неоосманских настроений, отношение к арабским государствам как к осколкам Османской империи могут оттолкнуть от нее арабов.

Турция способна выиграть в регионе, но этот выигрыш не будет автоматическим. Ей необходимо развивать торгово-экономические связи с арабскими государствами, но многое будет зависеть от того, насколько ослабленными будут после революций их экономики и насколько быстро удастся новым властям восстановить местный бизнес. Пессимистический сценарий включает возможность новой диктатуры. Демократия потонет в патриархальности, пострадают религиозные и этнические меньшинства, которые устремятся за пределы арабских стран, часть их – возможно, и в Турцию.



Иран также пытается получить дивиденды в арабском мире или, по крайней мере, нейтрализовать пока негативное для себя развитие событий. Как известно, трансформация в арабском мире изменила прежнее соотношение сил в регионе. Но иранское руководство полагает, что у новых правительств нет старых обязательств, а значит, и нет причин, по которым Иран не может установить с ними дружественных отношений. Проигрыш может быть только на сирийском фронте в случае ухода Асада: алавитский режим — единственный союзник Ирана среди арабских государств. Однако, судя по всему, сирийский режим может продержаться достаточно долго. Если даже этого не произойдет, то новые лидеры не смогут снять с себя обязательств относительно палестинской проблемы и даже, возможно, будут более радикально подходить к этому вопросу. Как полагают в Тегеране, им придется опереться на Иран, так как только он последовательно выступает в регионе в поддержку палестинцев. В теории это выглядит логичным, но на практике у Ирана может не оказаться партнеров. Вместе с тем, нельзя не обра-

тить внимания на то, что когда произошла исламская революция в Иране, в мире мало знали о политическом исламе. Сейчас одна из самых важных международных тем — именно политический ислам, хотя и в суннитском, противостоящем Ирану, варианте. Но все же, это в некоторой степени усиливает привлекательность иранского опыта, в основном для шиитов.

В целом все региональные игроки сталкиваются с противоречивой и неоднозначной ситуацией. Тактический выигрыш может обернуться проигрышем в долгосрочной перспективе, и наоборот. Саудовская Аравия, получившая политические дивиденды в регионе, может оказаться в сложном положении в контексте конкуренции и борьбы между «Братьями-мусульманами» и салафитами.

Вместе с тем, несмотря на приход исламистов, важным выводом является то, что на нынешнем этапе проиграла «Аль-Каида», идеология которой не прижилась. Однако нестабильность в арабском мире может в дальнейшем открыть для нее возможности.

5. Итоги для России, некоторые прогнозы и рекомендации

Вряд ли кто возьмется прогнозировать развитие ситуации в арабском мире и на Ближнем Востоке в целом даже на краткосрочную перспективу. Ясно, что период нестабильности затянется. Протестный активизм может охватить новые страны, равно как и нельзя исключать попятных движений, например, в результате вмешательства армии.

Во главу угла позиции России поставлены не идеологические установки, а соображения чистого прагматизма: экономическая выгода для государства и российских компаний, региональная безопасность, духовные узы между мусульманами и православными христианами России и Ближнего Востока

Точно так же можно предположить, что порожденные «арабской весной» новые режимы, исламские или светские, сами пойдут по пути монополизации власти, свертывания демократических свобод и нарушения гражданских прав. Оказавшись перед угрозой утраты власти в результате не оправдавшихся ожиданий населения и невыполненных обещаний, они вернутся к

прежним методам правления. Исламистские режимы вряд ли будут способны на «халифатистскую» унию, так же как не были способны объединиться светские националистические режимы, декларировавшие свою приверженность идеалам арабского единства. Вероятнее всего, отношения между ними будут характеризоваться соперничеством и конкуренцией. В этой связи можно ожидать, что по мере нарастания борьбы между умеренным и



салафитским течениями в странах победившего политического ислама будет проявляться тенденция к столкновению двух моделей развития – турецкой и саудовско-ваххабитской.

С арабскими государствами Россию всегда связывали и продолжают связывать тесные политические, торгово-экономические и духовные связи. В отличие от многих западных государств она никогда не была для арабских народов колониальной державой. Поддержка национально-освободительных

«капитал» в отношениях с арабским миром был использован уже в последнее десятилетие, когда Россия начала восстанавливать частично утраченные ранее позиции. Во главу угла были поставлены не идеологические установки, а соображения чистого прагматизма. В контексте ближневосточной политики – это экономическая выгода для государства и российских компаний, региональная безопасность, духовные узы между мусульманами и православными христианами России и Ближнего Востока.

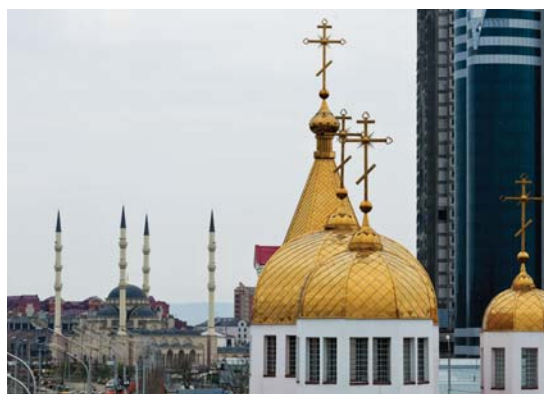
Взвешенная линия России в сирийском кризисе, несмотря на беспрецедентный нажим на грани истерии со стороны Запада и особо zaangażированных арабских государств, обеспечила ей позиции ключевого игрока, с которыми другие вынуждены считаться

движений в советском прошлом снискала ей уважение в регионе. В постсоветский период получили развитие духовные связи российских мусульман с ближневосточными единоверцами, а христианские святыни Ближнего Востока притягивают к себе всех православных.

В период 1990–2000 гг. Ближний Восток не был в числе приоритетов России, переживавшей трудности собственной трансформации. Весь накопленный ранее

Изменилась сама парадигма российско-арабских отношений, которые более или менее выровнялись, развиваясь по широкому спектру. Продолжались отношения с традиционно дружескими арабскими режимами (Египет, Алжир, Сирия, Ирак), начали активно развиваться и вышли на стратегический уровень взаимовыгодные связи с новыми партнерами в регионе Персидского залива. Наметилось совпадение подходов России и США к решению практических вопросов палестино-израильского урегулирования, что позволило наладить конструктивное взаимодействие в рамках «ближневосточного квартета» при признании за США ведущей роли в качестве международного посредника.

В таком ключе действовала российская дипломатия и в ливийском кризисе, показав голосованием по резолюции Совета Без-



опасности 1973, что соображения глобальной политики, сохранения авторитета ООН и ее действенной роли для нее важнее, чем выгоды от двустороннего сотрудничества. Однако использование мандата ООН Западом в качестве прикрытия для действий, имеющих совсем иные цели, и срыв Россией попыток провести аналогичный сценарий по Сирии – все это внесло серьезные раздражители в наши отношения с ведущими западными партнерами и группой арабских государств – инициаторов интервенционистской политики в международной повестке дня. Вместе с тем, России удалось избежать сползания к конфронтации и, в конечном счете, добиться того, чтобы ее мотивировки были услышаны.

Саудовская Аравия и Катар, обеспечивая ей позиции ключевого игрока, с которым другие вынуждены считаться. Одновременно создан своего рода «политический задел» на случай падения режима Асада, хотя раздел власти мирным реформистским путем был бы для нас более предпочтительным. Антиасадовская коалиция также испытывает значительные трудности уже в силу несовпадения интересов западных государств и главных инспирантов международного вмешательства (Саудовская Аравия и Катар), имеющих свои узко конфессиональные и политические расчеты в борьбе за региональное лидерство и выживание на волне арабских революций.

В глобальном аспекте важно не допустить перегрузку отношений России с Западом осложнениями по теме «арабской весны»

Нынешние осложнения, как представляется, носят преходящий характер. Опыт Ирака, с которым Россия постепенно восстанавливает политические и экономические отношения, показывает, что со временем упущенные выгоды могут быть компенсированы. Взвешенная линия России в сирийском кризисе, несмотря на беспрецедентный нажим на грани истерии со стороны Запада и особо zaangażированных арабских государств, таких как

В этой связи важно продолжить взятую политическую линию с учетом того, что интернационализация внутренних конфликтов в охваченных «арабской весной» странах региона де-факто уже произошла. Здесь имеется два аспекта – глобальный, то есть меняющаяся концепция международных отношений, и региональный.

В глобальном аспекте важно не допустить перегрузку отношений с Западом осложнениями по теме «арабской весны». Ведь, в конечном счете, до ливийского кризиса особых расхождений в отношениях к демократическим переменам не отмечалось за исключением попыток проводить применительно к России неуместные аналогии с «цветными революциями». Тот комплекс





проблем глобального порядка, которые высветила «арабская весна» (применение уставных норм международного поведения в случаях внутренних конфликтов) вполне может быть внесен в повестку дня многосторонних обсуждений в рамках ООН. Внешнее вмешательство – угроза скорее для малых государств, чем для России.

Компенсировать нынешний спад в отношениях России с группой арабских государств из-за конфликтов в Ливии и Сирии в краткосрочной перспективе представляется возможным

При всех разногласиях с Западом имеются и точки соприкосновения, которые нужно использовать в плане практической дипломатии и в информационной политике. Это интеграция растущего числа мусульманских мигрантов в Европу, противодействие сохраняющейся опасности международного терроризма, взаимодействие в процессе палестино-израильского урегулирования и защите христианского населения на святой ближневосточной земле, совместные поиски адекватных политико-дипломатических подходов к выходу исламистского движения на авансцену арабской государственной политики.

Арабские партнеры России при всей их эмоциональности в негативных порывах остаются прагматиками в том, что каса-

ется получения тех или иных экономических, финансовых или политических выгод. Поэтому компенсировать нынешний спад в отношениях с группой арабских государств из-за конфликтов в Ливии и Сирии в краткосрочной перспективе представляется возможным. Главное, чтобы Россия, ее бизнес-сообщество имели достаточно внешнеэкономических экспортных и инвестиционных ресурсов, которые были бы привлекательны для стран этого региона. В этом сейчас можно видеть главную проблему, с учетом того что сырьевая структура экономики России и этой группы арабских государств, проводящих реальную политику диверсификации, во многом схожа.

На фоне появления новых вызовов и рисков, нарастания напряженности на отдельных траекториях остается актуальным урегулирование арабо-израильского конфликта. Нужно учитывать, что при любых поворотах в развитии геополитической ситуации на Ближнем Востоке палестинская проблема будет оставаться ключевой для арабской идентичности. На антиизраильском векторе будет, вероятно, строиться, к примеру, стратегия Ирана, направленная на нейтрализацию негативных для нее потерь от резких перемен в арабском мире. Пауза в мирных усилиях «квартета» в период предвыборной компании в Соединенных Штатах и формирование новой американской администрации будет использоваться различного рода экстремистскими исламскими силами для укрепления своих позиций в регионе.

Актуальной задачей для России является выстраивание отношений с исламистскими организациями, пришедшими или приходящими к власти в арабских странах. С одной стороны, с учетом реальностей Россия должна налаживать сотрудничество с новыми арабскими правителями, опираясь на прошлый позитивный опыт контактов с исламистскими организациями и правительствами. Этому будет способствовать и российские не столь эйфорические оценки демократических процессов на арабско-мусульманской почве, в основе которых лежит не приоритет либеральных ценностей, а необходимость учета национальных исторических традиций и религиозной специфики.

С другой стороны, Россия должна проявлять бдительность в отношении возможных попыток распространения влияния усилившихся исламистов, в особенности – салафитов, на своих ближайших соседей и союзников в Центральной Азии, а также свои мусульманские регионы. Если через развитие взаимовыгодных отношений, а возможно и оказание содействия в преодолении экономических трудностей, ей удастся добиться преобладания умеренной линии среди арабских исламистов, их дальнейшего дрейфа в сторону модернизации, то это поможет ей и успешно решать проблемы, возникающие в мусульманских регионах Российской Федерации.